

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

№ 408

2 сентября 2018 г.

Прিতча о званых на брачную вечерю царского сына побуждает нас опять говорить о своем призвании. Учась в духовной школе, мы чрез то самое уже призываемся к тому, что осуществить составляет главную задачу этой школы. А задача ее прежде всего в том, чтобы готовить к служению пастырскому.

Прежде часто говорили воспитанникам духовной школы, что еще до вступления в нее они уже самым рождением и воспитанием в духовной семье призываются к служению пастырскому. И так действительно можно было говорить в то время, когда еще не было слишком резкого разделения между отцами и детьми, какое наблюдается в последнее время. Да и теперь еще как много духовное юношество получает по наследству от отцов добрых навыков в благочестии, тяготения к церковности и как долго потом живет этим наследством! Как бы в самой крови у некоторых юношей духовного сословия живет глубоко внедрившееся влечение к пастырству. Но в то же время все усиливаются голоса, что священство не может иметь кастического характера и передаваться по наследству, и указывать на рождение и воспитание в духовной среде как на доказательство призвания к пастырству становится поэтому все труднее.

Кроме голоса самой как бы крови, усиливаемого бытом, привычками, преданиями духовного сословия, вышедшие из последнего юноши теперь более склонны прислушиваться к другим голосам, призывающим к пастырству, обращаемым прямо к их уму, сердцу и воле. Как часто слышатся в духовной школе подобные голоса в Слове Божиим, в творениях святых отцов Церкви, пастырей и учителей, в истории Церкви, страницы которой полны самыми высокими и привлекательными образами пастырства! Но большинству юношей эти голоса остаются совершенно как бы неслышными, потому что поступают они в духовную школу с мыслями двоящимися, колеблющимися. Даже те юноши, которые имеют призвание, сколько обыкновенно колеблются, сколько путей жизни переберут в уме своем, на какие различные пути даже и пытаются стать, пока, наконец, чрез долгие годы решатся отдаться пастырскому призванию! Если прежде можно было о многих юношах прямо сказать, изберут ли они или нет путь пастырства, то теперь в иные годы нельзя бывает сказать этого ни про одного из оканчивающих курс духовной школы: так неустойчивы большею частью современные юноши в пути правды, в преданности воле Божией, в решимости отдаться своему призванию!

Но, положим, что не все юноши, выхо-

дящие из духовной школы, действительно призваны к служению пастырскому, верны ли они вообще духовному званию, которое должны бы слышать в душе своей, в глубине совести и все христиане, так как все они называются «духовными»? Сколь часто юноша, выходя из духовной школы, вскоре же начинает заявлять, что он не интересуется не только богословскими науками, но и религией! Как часто юноша этот не только оставляет благочестивые обычаи, поддерживавшиеся школой, но даже начинает издеваться над ними и прежнее мировоззрение меняет, как какою-то одежду!

Почему же такая измена званию духовному? Почему так скоро по выходе из школы начинают говорить Христу: «Имей мя отречена» (Лк.14:18)? Обыкновенно потому, что трудным кажется идти «путем тесным» подвигов духовных, которым идти Христос заповедал Своим последователям. «Мы не пустынные, не подвижники, — говорят обыкновенно такие в свое оправдание, — мы люди обычные, с немощами плоти, совсем не желающие без всякой нужды отречься от законных радостей жизни земной и благ ее». Как будто Христос и апостолы, учившие о необходимости «идти путем тесным», были какими-то пустынными! Значит, вот где коренная причина отречения от звания духовного, корень самого неверия во Христа это боязнь духовных подвигов, требуемых Евангелием, это желание разными сложившимися будто бы с логическою неизбежностью, а иногда складывающимися и в научное как бы мировоззрение взглядами на жизнь оправдать свое «хождение своими путями» (Деян. 14, 16), по влечению страстей житейских. Однако как ни старается таким образом человек уйти от своего духовного звания, совесть все же временами говорит громко и не-

умолчно против измены, и только до времени чрез свое равнодушие и забвение о звании духовном человек пытается скрыться от голоса совести, как страус прячет голову в перья, тщетно надеясь скрыться от преследующих его врагов.

Итак, в начале учебного года, слыша притчу о званых на вечерю, вдумаясь в смысл своего духовного звания. Напомни себе, что, уходя от голоса, нас зовущего к служению духовному, мы делаем выбор обыкновенно не между двумя путями жизни или рода-

ми деятельности, которые избрать было бы по существу дела безразлично, а между Христом и миром с его злом, грехом и страстями. Самая жизнь все более и более начинает напоминать о необходимости более резкого разделения между этими двумя, не сходящимися между собою путями; многие даже из простого народа начинают вопиять громко о неестественном и вредном соединении под одною кровлею «духовной» будто бы двух школ, разнородных не столько по изучаемым наукам, сколько по своему настроению.

Святейший Синод в последнее время напоминает о необходимости более искренней преданности духовного юношества главной задаче школы духовной воспитать в себе влечение к пастырству или, по крайней мере, к духовному общехристианскому званию.

Будем же самым делом воспитывать в себе эту любовь: искренно любя молитву, духовные упражнения и подвиги, возгревая огонь одушевления идеалами пастырства! А если и выйдет кто-либо из стен духовной школы на пути жизни светские, то пусть будет это не потому, что он слишком «возлюбил нынешний век» (2Тим. 4, 10), «притворный, временный»²⁵¹, а потому, что получил от Бога иного рода таланты. Только в том случае, если выходящие из духовной школы на пути жизни светской действительно от Бога получили соответствующие тому иные таланты, духовная школа может напутствовать уходящих полными своими благословениями, в противном же случае придется ей скорбеть о говорящих Христу с легкостью и равнодушием: «Имей мя отречена!».

Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской

ЖЕСТОК ЛИ ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ ЗАКОН?

Казни, штрафы, соблюдение суровых законов – разве может этого требовать от человека Бог Любви? А ведь именно таким представляется многим нашим современникам Ветхий Завет, который требует жестокой расплаты: «око за око, и зуб за зуб».

НАСЛЕДНИКИ МАРКИОНА

«Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7-м классе), буквально в одну ночь, пришел к окончательному и бесповоротному решению: ...отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и Православие. Словно гора свалилась с плеч! С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего». Так писал о своем религиозном выборе человек, которого трудно заподозрить в мягкотелости и пацифизме – генерал А.И. Деникин. Он прошел несколько войн, включая гражданскую, был диктатором на огромной территории, не останавливался перед жесткими мерами по наведению порядка – и считал Ветхий Завет чрезмерно жестоким. Почему?

Вопрос о жестокости Ветхого Завета не нов, как и почти все в этом мире. В 6-й главе мы говорили о древнем богослове Маркионе, который отверг Ветхий Завет, поскольку считал, что в нем идет речь о жестокости Бога, ином, нежели в Новом Завете. Но Церковь осудила его учение как ересь. Вслед за Христом и апостолами она утверждает, что Ветхий Завет – неотъемлемая часть Священного Писания, и что Бог патриархов и пророков – Тот же Самый, что и Бог апостолов и евангелистов, и что не только Новый Завет, но «всё Писание богодухновенно и полезно для научения» (2Тим 3:16).

Но и современного читателя многое отталкивает от Ветхого Завета, и прежде всего, его «жестокость». Ну что же, Библия – правдивая книга, и если люди всегда убивали и ненавидели друг друга, если даже самые великие праведники бывали небезупречны, она повествует об этом честно и открыто. Она – не сборник слащавых рассказов, и именно поэтому ей можно доверять.

С этим, казалось бы, все ясно. Но сомневающиеся не успокаиваются: Ветхий Завет говорит не просто о жестокости отдельных людей, он приписывает эту жестокость самому Богу. И главное обвинение, которое тут можно услышать – суровый Закон, требующий отдавать глаз за глаз и карать смертью за нарушение супружеской верности. Попробуем разобраться с этим подробнее.

Только сначала договоримся: мы не можем судить о людях, живших три тысячелетия назад, как о наших современниках. Они отличались от нас не только тем, что не имели электричества и не догадывались о существовании Америки. У них были несколько иные представления о мире, и судить о них можно только исходя из реалий того времени. Не станем же мы упрекать Колумба за

то, что он, перед тем как плыть в Америку, не отыскал ее на школьном глобусе, или фельдмаршала Кутузова за то, что не бросил против Наполеона авиацию и танковые дивизии? Несправедливо упрекать древних за то, что они не обладали тем, что доступно и привычно нам сегодня. Более того, стоит задуматься: не от них ли нам все это досталось?

ЗАКОН: ИСТОЧНИК И СМЫСЛ

Любая юридическая система строится на некотором основании. Чтобы закон имел силу, он должен быть освящен чьим-то авторитетом. Сегодня, как правило, конституции ссылаются на «волю народа», которая, как мы знаем, зачастую есть не что иное, как умело примененные политехнологии. Но в древности закон всегда понимали как дар свыше, и Ветхий Завет не был исключением.

Но в Ветхом Завете была и одна особенность. Окрестные народы считали, что боги даровали им законы просто для того, чтобы упорядочить их жизнь и обеспечить справедливость. Но на горе Синай Моисею был дан не просто правовой кодекс, там был заключен Завет, то есть договор всего израильского народа с Богом: «буду вашим Богом, а вы будете Моим народом» (Лев 26:12). Собственно, вне этого Завета израильтяне были всего лишь беглыми египетскими рабами, но, заключив его, они становились подлинным народом со своим государством, своей территорией, своей религией и культурой. Завет и выглядел как договор между правителем великого государства и подвластным ему племенем: он обещает им защиту и покровительство и требует в ответ только одного – полной верности и покорности.

Поэтому самыми страшными преступлениями в Ветхом Завете считались те, которые означали измену Богу: идолопоклонство и колдовство. Наказанием за них была немедленная смерть, точно так же, как убивают в современных государствах террористов, с оружием в руках выступивших против законной власти.

Собственно, и отношения внутри израильской общины регулировались, исходя из того же принципа: «Будьте святы, потому что Я свят» (Лев 11:45) – этого требует от израильтян Господь, а раз так, то невозможными, недопустимыми становятся несправедливость, угнетение, разбой. Поэтому нормы уголовного права получают в Ветхом Завете такой же священный статус, как и нормы богослужения: они, по сути, становятся неразделимыми.

ПРАВОСУДИЕ ОБЩИНЫ

Итак, в ветхозаветном законе мы встречаем много наказаний за преступления против ближнего, которые кажутся нам чрезмерно жестокими. Зачем карать смертью за супружескую измену? Зачем выбивать глаз тому, кто сам кому-то выбил глаз – может быть, он нечаянно? Однако и в нашем законодательстве многое показалось бы древ-

нему человеку жестоким – например, тюремное заключение, которого ветхозаветный Закон не знал. Как можно отрывать человека от родного дома на долгие годы? Если он виноват в краже, пусть заплатит в двойном размере, а если он убийца, то мы убьем его самого.

Причем делает это не палач-профессионал, а сама община закидает его камнями... Помните, как Иисус избавил от казни женщину, пойманную в прелюбодеянии? Он не оправдал ее, но воззвал к совести судей: «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин 8:7) – и они разошлись, не желая исполнять очевидное требование Закона. Да, по справедливости следовало бы ее казнить, думал каждый, но лично я не могу взять на себя такую ответственность.

Ведь правосудие было тогда не безличной машиной, оно осуществлялось самим обществом. Одно дело – подать заявление в суд и выслушать вынесенный кому-то приговор, и совсем другое – взять в руку увесистый камень и бросить его в живого человека. Тут, действительно, трижды подумаешь, прежде чем выдвинуть обвинение. А в прошлой главе мы говорили о специальных «городах убежища», где мог укрыться человек, непреднамеренно вызвавший чужую смерть. Единственное ограничение – такой человек не должен был покидать «город убежища». Но все равно это не сравнить с тюремным или лагерным заключением.

Еще одна наша норма, которая показала бы древним израильтянам жестокость – призывная армия. Забирать мужчин в войско можно было только во время войны, и то от призыва освобождались те, кто... недавно женился, построил дом или насадил виноградник. Война войной, а человек имеет право жить своей частной жизнью, и нельзя его уводить от молодой жены, нового дома и первых плодов.

Да и вообще, на фоне тех законов, которые еще совсем недавно существовали во многих христианских странах, Ветхий Завет покажется очень мягким. Он, например, предписывает в некоторых случаях телесные наказания – но строго ограничивает их сорока ударами, «чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен» (Втор 25:3). Вслушаемся: осужденный преступник – это твой брат, достоинство которого ты должен беречь даже при наказании. Сравним это со знаменитым прогоном «сквозь строй», практиковавшимся в России еще в XIX веке... Ветхий Завет вообще не знает наказания, которые бы увели человека (вырывание ноздрей, отрезание языка и т.д.), хотя еще несколько столетий назад они были совершенно обычными в «цивилизованных странах».

ЧТО ЗНАЧИТ «ЗУБ ЗА ЗУБ»?

Если мы сравним Ветхий Завет с другими законодательными текстами древнего Ближнего Востока, то увидим еще больше отличий. Да, все они строились на пресловутом принципе талиона: «глаз за глаз, зуб за зуб», то есть пре-

ступник должен потерпеть такой же ущерб, какой он нанес потерпевшему. На самом деле это совсем не плохой принцип, он ограничивает право мести: если тебе выбили глаз, то ты имеешь право сделать то же самое, но никак не более того. Вот бы и нам придерживаться этого принципа хотя бы в личных отношениях...

Но, конечно, применять его тоже можно по-разному. Вавилонский кодекс Хаммурапи предписывает: если кто-то взял в залог сына своего должника и так дурно обращался с ним, что он умер, то он... должен отдать на смерть собственного сына. А если строитель так плохо построил дом, что тот рухнул и похоронил под обломками семью заказчика, то убить следует... нет, не строителя, а его семью. Сам строитель свободен от наказания, если заказчик не пострадал. В противоположность этим законам, Ветхий Завет провозглашает принцип личной ответственности. За все преступления несет наказание только сам преступник, он не может быть никем заменен.

Но особенно велики различия в том, что касалось преступлений против чужого имущества. Вавилонское законодательство (как, кстати, и недавнее советское) карало за определенные виды кражи смертью: например, преступник, проломавший стену чужого дома, должен был быть повешен у этой самой стены. Ветхозаветное законодательство предписывает наказать вора штрафом в двойном размере; правда, хозяин дома имеет право убить грабителя на месте в порядке самообороны, но только в ночное время, когда трудно оценить степень угрозы. И никакое имущественное преступление не наказывается смертью – только штрафом.

Преступления же против личности (то есть против Бога и против ближнего) по Закону Моисея, наоборот, караются очень сурово. Практически все древние своды законов, в том числе Коран, устанавливают право выкупа, но Ветхий Завет однозначно заявляет: «не берите выкупа за душу убийцы, но его должно предать смерти... ибо кровь оскверняет землю» (Числ 35:31–33). И вот почему: «кто прольет кровь человека, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт 9:6). В то же для других правителей древнего Ближнего Востока, равно как впоследствии и для многих христианских стран, да и для Советского Союза, человек был скорее народнохозяйственной единицей, поэтому ему нетрудно было назначить цену: брать штраф за его убийство и, наоборот, отбирать его жизнь в уплату за причиненный ущерб. Вообще, человеческая жизнь рассматривается в том же кодексе Хаммурапи как некая денежная сумма, причем не такая уж и большая.

Например, кодекс Хаммурапи настаивает: «Если грабитель не был схвачен, то ограбленный человек может показать перед богом все свое пропавшее, а община и староста, на земле и территории которых было совершено ограбление, должны ему возместить все его пропавшее. Если при этом была загублена жизнь, то община и староста должны отвесить одну мину сере-

бра его родичам». То есть платят заведомо невиновные люди, лишь бы сохранить «баланс». А Ветхий Завет предписывает местной общине в случае нераскрытого убийства просто совершить очистительное жертвоприношение – и уж конечно он не оценивает жизнь в мину серебра.

Или другое правило Хаммурапи: «Если человек украл либо вола, либо овцу, либо осла, либо свинью, либо же лодку, то, если это принадлежит богу или двору, он должен заплатить в тридцатикратном размере, а если это принадлежит крестьянину, он должен возместить в десятикратном размере. Если вор не имеет чем платить, он должен быть убит». Чего требует в подобном случае Ветхий Завет? «Укравший должен заплатить; а если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им; если он пойман будет и украденное найдется у него в руках живым, вол ли то, или осел, или овца, пусть заплатит за них вдвое» (Исх 22:3–4). Разница, как видим, огромна.

БИБЛЕЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Впрочем, дело даже не в том, что Ветхий Завет оказывается во многих случаях принципиально мягче, чем кодекс Хаммурапи и другие своды законов того времени. Важнее всего то, что он выдвигает некоторые общие принципы правового общества, которые сегодня кажутся нам самоочевидными, но для того времени они были революционными. И хотя мы привыкли смотреть на Ветхий Завет свысока, считая, что христианское правосознание намного его превосходит, но если взглянуть повнимательнее, мы увидим, что только сейчас становятся общепринятой нормой идеи правового государства, уже заложенные в Ветхом Завете.

Во-первых, Ветхий Завет провозглашает равенство людей перед законом, делая исключение только для иноплеменных рабов. А средневековые кодексы христианских государств содержат всевозможные градации: за убийство дворянина одно наказание, за убийство крестьянина – другое. Даже статус преступника влиял на тяжесть наказания: за что простого человека казнили, за то знатному назначали денежный штраф. Такого Моисеев Закон не знает.

К каким последствиям это приводило, можно увидеть на одном описанном

в Библии примере. Израильскому царю Ахаву понравился виноградник его подданного, Навуфея, но тот отказался продавать «наследство отцов своих». Заметим, не отдавать даром, а продать по хорошей цене! Ахав так и не смог заставить Навуфея добровольно пойти на сделку. Против строптивца было сфабриковано обвинение, и он был казнен, но это преступление Ахав настолько прогневило Господа, что пророк Илия передал царю: «так говорит Господь: на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь» (1Цар 21:19). Для сравнения, Иван Грозный был уверен, что он «волен в животе» своих подданных; что же до их имущества, то и по сей день государство в принудительном порядке выкупает земельные участки у своих граждан, чтобы построить на них новую дорогу, или сносит старый дом, чтобы построить новый, более дорогой – и никому и в голову не приходит спрашивать согласия владельцев.

Другой важнейший принцип, о котором мы уже говорили – личная ответственность человека за свои поступки: «отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор 24:16). Бывший семинарист Иосиф Сталин даже цитировал эти слова, хотя он как раз был очень далек от того, чтобы их исполнять.

Третий столп правового общества, выведенный еще в Ветхом Завете – неприкосновенность человеческой личности. Эту норму как раз и утверждало строгое, практически не знающее исключения разделение преступлений против личности, которые карались смертью, и преступлений против имущества, которые карались штрафом с компенсацией ущерба. И если сегодня для нас это различие стало нормой, то не следует забывать, что впервые это было сказано именно в Ветхом Завете.

Конечно, всё это не означает, что ветхозаветный Закон совершенен и самодостаточен. Если бы это было так, не было бы никакой нужды в Новом Завете. Но сегодня мы можем сказать, что Ветхий Завет устанавливает некий стабильный фундамент общественного устройства, некоторый минимум, без соблюдения которого общество в любой момент может соскользнуть в болото вседозволенности и произвола. А Новый Завет обращен уже к личности, ибо простить своего должника или подставить другую щеку – решение, принимаемое каждым человеком индивидуально, общество же не может возвести это в юридическую норму, иначе оно просто позволит сильным издеваться над слабыми. Новозаветная благодать – взлет ввысь, к небесному идеалу. А ветхозаветный Закон – твердое, земное основание, причем для своего времени – революционное. Сегодняшние гуманистические нормы и декларации прав человека стали возможны именно потому, что некогда пророки объяснили людям: Всемогущему Богу совсем не безразлично, как они обращаются друг с другом, потому что каждый из них носит в себе образ Божий.

Андрей Десницкий

Расписание богослужений с 3 по 9 сентября 2018 г.		
3 сентября Понедельник	Ап. от 70-ти Фаддѳя	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
4 сентября Вторник	Мч. Агафоника и иже с ним	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
5 сентября Среда	ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
6 сентября Четверг	СВТ. МОСКОВСКОГО ПЕТРА, ВСЕЯ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
7 сентября Пятница	Перенесение мощей ап. Варфоломея	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
8 сентября Суббота	СРѢТЕНИЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
9 сентября Воскресенье	НЕДЕЛЯ 15-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ Прп. Пимена Великого	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАГВОРНИК

ЛЮБОВЬ – ВЕНЕЦ ЖИЗНИ ХРИСТИАНСКОЙ

Законник некий приступил ко Господу и спросил Его: «как наследовать живот вечный?» Законник, то есть человек, изучающий данный Богом закон и почитающий на нем, и сам бы должен был знать об этом; потому-то Господь и спросил его: да как об этом написано в законе, прочитай-ка. Законник прочитал: «возлюбилши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоя, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближнего своего яко сам себе». Тогда Господь сказал ему: «право отвещал еси; сие твори, и жив будеши.» – подтвердил то есть ответ его и удостоверяет, что о другом пути к вечному животу и спасению и спрашивать нечего: его нет и быть не может. Люби Бога и ближнего – вот и все! (Лк.10:25–28).

Какой краткий катихизис! Какое несложное законоположение! Только два слова: люби Бога, люби ближнего, даже меньше – одно слово: любви, потому что, кто истинно любит Бога, тот в Боге уже любит и ближнего, и кто истинно любит ближнего, тот любит уже Бога. Зачем же, скажут, такая сложность дел и от лица Божия и от людей? Зачем эти уставы, освящения, таинства, эта немалая система учений? Зачем эти тесные врата и узкий путь? Зачем подвиги, которыми подвизаются внити в узкие врата, и всеоружия, которые должны воспринять идущие в живот, эти посты, бдения, молитвы и прочее? Затем, чтоб возвести нас к любви. Любовь есть свет и плод в духовной спасительной нашей жизни. Много труда, много подвигов надо иметь, чтоб принести этот плод. Как в дереве плоду предшествует цвет, цветку – лист и ветви, ветви – ствол, стволу – корень, корню – семя, и сколько пройдет времени, пока из семени произрастет дерево и дерево даст плод, так и в духовной жизни – сначала на землю сердца падает семя спасительного слова, из этого семени выходит росток с листьями и вет-

вями, потом образуется дерево, дерево дает плод, а плод этот есть любовь. Она извлекается из целого состава спасительных дел и трудов и потом все собою одушевляет и исполняет.

Любовь, в своем истинном виде, есть рай духовный. Она есть теплое, мирное, благожелательное, живое, приснодвижущееся и радостотворное расположение, не как гость, на время посещающий нашу душу, но расположение постоянное, твердое, глубоко укорененное, существенно неотъемлемое, как, например, дыхание или биение сердца. В ком внедрено это чувство, или эта сила, тот блаженствует в себе глубоким, невозмутимым блаженством. Пусть он и в постоянном труде, но ни труда, ни скорбей, ни препятствии не видит и не ощущает, ибо самые трудности в путях любви не умаляют, а возвышают любовь, как ветер не гасит, а больше и больше усиливает и расширяет пламя огня.

Да, любовь есть рай, но рай потерянный. Входишь внутрь себя и не находишь его там, видишь, что на поле сердца не растет это дерево жизни. Отчего же? Оттого что сердце все заросло злыми древами страстей, заглушающих любовь. Где страсть, там нет места любви. «Любовь... милосердствует»: как же она будет в сердце, когда там качествует окамененное равнодушие к страданиям других? «Любовь... не завидует»: как же она будет в сердце, когда там живет завистность? «Любовь... не превозносится и не гордится»: как же она будет в сердце, когда там властвует гордость и тщеславие? «Любовь... не ищет своих си»: как же она будет в сердце, в котором исходное начало деятельности – самолюбие? «Любовь... не бесчинствует»: как же она будет в сердце, полном страстей бесчиния? «Любовь... не радуется о неправде»: как же она будет в сердце, склонном к злоречию, пересудам и клеветам? (1Кор.13:4–5). Искорените прежде эти злые древа страстей, и на месте их произрастет одно многоветвистое дерево, дающее и цвет, и плод любви. Но только начните искоренять страсти, и вы неизбежно вступите в путь тесный и прискорб-

ный, встретитесь с необходимостью облакаться во всеоружие подвигов и лишений, должны будете проходить все освятительные, исправительные и руководительные законоположения Церкви Божией, то есть, прежде чем вступите в единство любви, должны будете подъять многие труды и обращать силы свои на многие занятия, пройти как бы лес, чтобы вступить в отрадную, усеянную цветами поляну любви.

Очевидно, что путь к этому не близок и не легок. Потому, слушая разглагольствие новейших филантропов, не поддавайтесь легкомысленно обольстительному кличу: «Все, дескать, прочь! Довольно одной любви!» Подождите отбрасывать все прочь. Прежде пройдите терпеливо все предлагаемое вам правилами благочестивой жизни во Святой Церкви, все от мала до велика, чрез это только достигнете истинной любви. Когда же любовь истинная придет, то сама научит вас, что сделать со всем тем, что считает ненужным незрелая и неопытная филантропия. Если б слово наше к себе самим было так сильно, что стоило бы только сказать: буду отселе любить Бога и ближних – и любовь тотчас воцарилась бы в нашем сердце, было бы хорошо, а то на деле бывает большей частью совсем иначе. Мысль и язык говорят: буду любить, а сердце идет наперекор этим словам и помышлениям, и когда представляются дела любви, оно отказывается от них, даже в минуты увлечения филантропическими идеями. Отчего это? Оттого что сердце такое закалено эгоизмом, гордостью, чувственностью, корыстью, которых не прогонишь одними новомодными фразами. Потому-то апостол, когда пишет о любви, говорит: гоните любовь (1Тим.6:11), то есть усиленно стремитесь к любви, или: «стяжите любовь» (Кол.3:14) – употребите то есть напряженный труд к приобретению ее и молитесь, чтобы Бог даровал вам дух любви (2Тим.1:7), потому что «любовь от Бога есть» (1Ин.4:7), «изливается в сердца наши Духом Святым» (Рим.5:5), а дар Духа надо заслужить и привлечь: одними словами этого не достигнешь.